

HARLEQUIN

010

Маргерит Кэй

**ЛЮБЕВА
И НАСЛЕДНИЦА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Маргерит Кэй

Повеса и наследница

«Центрполиграф»

2010

Кэй М.

Повеса и наследница / М. Кэй — «Центрполиграф»,
2010 — (Исторический роман – Harlequin)

На смертном одре отец сообщил своей дочери Серене о том, что она должна отправиться к его старому другу Николасу Лит тону за документами, подтверждающими их принадлежность к семейству Стамп и право на богатое наследство. Серена разыскала Лит-тона, но вместо седого старца перед ней предстал надменный и насмешливый молодой красавец, который к тому же повел себя с нею весьма легкомысленно. Узнав, что Николас-старший умер, Серена была вынуждена объяснить причину своего визита его сыну. А молодой повеса, пообещав помочь с поиском документов, приступил к соблазнению красивой и неискушенной девушки. И вот, еще не получив подтверждения благородного происхождения, Серена поставила под удар свое честное имя...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кэй Маргерит

Повеса и наследница

Пролог

Париж, август 1815 года

Врач тихо затворил за собой дверь спальни и повернулся к молодой женщине, которая с тревогой ждала в прихожей. Он с грустью заметил, что испытания последних дней не прошли для нее бесследно. Хотя ее утонченная красота не пострадала, казалось, что она стала хрупкой, будто изнасилась. Из голубых как васильки глаз исчез блеск, кремовый цвет лица потускнел и обрел мертвенную бледность, светлые волосы растрепались и были небрежно повязаны лентой. Хотя врач хранил суровое выражение лица и настаивал на своевременной оплате счетов, в глубине души он знал, что такое чувство сострадания. Врач глубоко вздохнул. В подобные мгновения он проклинал свою профессию.

Серьезный вид и смиренный кивок поведали Серене все, что ей хотелось узнать. Она боролась с отчаянием, которое, точно приливная волна, грозило поглотить ее.

– Мадемуазель Каше, позаботьтесь, чтобы ему было удобно. Пока вы ему больше ничем не поможете. Я вернусь утром, но... – Врач пожал плечами, и этот жест говорил красноречивее любых слов. Стало понятно – он не надеется, что отец протянет до утра.

Серена отчаянно сдерживала слезы. Разве они помогут сейчас? Серена устало отошла от двери, к которой прислонилась, и выпрямилась. Она пыталась уловить смысл наставлений врача, однако ясные и спокойные слова того с трудом проникали сквозь туман, окутывавший ее встревоженное сознание. Девушка едва слышала его голос, будто тот доносился с далекого берега. Свежие перевязки и снотворное облегчат отцу страдания, но его уже не спасет даже волшебный напиток.

Перед уходом врач наказал вызвать его в случае необходимости и, утешая Серену, похлопал ее по плечу. Когда она отворила тяжелую дубовую дверь близ лестницы в холле, отделявшем их жилые комнаты от игорных залов, раздался взрыв пьяного хохота. Если со стороны Ватерлоо не иссякал поток мужчин, за игорными столиками не оставалось свободных мест, но на этот раз Серене все было безразлично. Какая польза от набитого деньгами кошелька, если она не сможет тратить их вместе с отцом?

Сейчас все потеряло смысл, кроме одного – как можно лучше провести оставшиеся драгоценные часы. Отец должен видеть свою дочь спокойной и любящей, а не в горьких слезах и с растрепанными волосами. Она решительно спрятала под ленту выбившийся золотистый локон, поправила декольте платья, глубоко вздохнула и с тяжелым сердцем снова вошла в спальню отца.

Бархатные занавеси на окнах были задернуты, сохраняя в помещении удушливую жару и приглушая шум, который доносился с оживленной улицы. В огромном зеркале над камином отражались роскошные ковры, полированное дерево, ярко сверкавшие золоченые и серебряные ручки красивой мебели. В нем отражались также куча белоснежного постельного белья, разорванного для перевязки, множество пузырьков и бутылок на ночном столике, на котором раньше неизменно стоял графин с водой. На полу валялись пропитанные кровью повязки, свидетельствовавшие о том, как много часов Серена провела здесь, выполняя обязанности заботливой сиделки. Воздух был пропитан тяжелым запахом лаванды и настойки опия.

Филипп Каше лежал на просторной кровати с балдахином и, несмотря на высокий рост, казался маленьким среди горы подушек, которыми его обложили, чтобы остановить поток крови из раны. *Почему же он просто не отдал свой кошелек?* Уже в который раз с тех пор, как отец, держась за грудь, нетвердой походкой вошел через дверь, Серена проклинала трусливого разбойника, отнявшего у него ценные вещи, а сейчас, похоже, и жизнь. Она была потрясена, видя съездившегося отца, его бритую голову, такую беззащитную без парика, который он никогда не забывал надевать, хотя парики уже вышли из моды. Отец дышал хрипло и неровно, за время непродолжительной беседы с врачом его кожа стала мертвенно-бледной.

Отцу велели не двигаться из опасения, что кровотечение может открыться снова, однако его голубые глаза, такие же живые, как у дочери, вспыхнули, когда он увидел ее. Серена тихо закрыла дверь, и он, приветствуя ее, с трудом чуть приподнял руку над шелковым покрывалом:

– Моя красавица, наконец-то ты пришла. Я должен сказать тебе нечто важное, больше откладывать нельзя... боюсь, мой час почти настал. – Не обращая внимания на возражения Серены, он жестом велел ей приблизиться. – Нет смысла скрывать, моя дорогая, я потерял слишком много крови. Я хочу, чтобы ты внимательно выслушала меня. – У отца начался приступ кашля. В уголке рта появилась капелька крови. Дрожащей рукой он нетерпеливо смахнул ее.

Даже сейчас Серена видела следы красоты, какой отец отличался во цвете лет. Четкие, правильные черты, знакомая очаровательная улыбка, которая выручала его не в одной опасной ситуации. Он был хорошим игроком и поэтому большей частью оказывался в выигрыше. Почти тридцать лет Филипп своим острым умом и умением играть в карты содержал себя, а затем и маму. Это умение он приобрел, играя во множестве казино больших и маленьких городов Европы.

Пододвинув стул ближе к постели, Серена, шурша шелковыми юбками, села и нежно погладила исхудавшую белую руку, безжизненно лежавшую на покрывале. Отец уходил из жизни на глазах у дочери, однако ей приходилось хранить твердость духа.

– Папа, я здесь, – прошептала она.

– Моя милая, никогда не думал, что вот так покину тебя. Твоя жизнь должна была сложиться совсем иначе. Прости меня.

– Не извиняйся. Мне не хотелось, чтобы она сложилась по-другому. Мы ведь славно провели время?

Серена нежно улыбнулась отцу, в ее глазах мелькнула озорная искорка, вызвавшая у него едва заметную ответную реакцию.

– Да, но ты ведь очень хорошо знаешь, что любая игра всегда заканчивается расплатой.

Серена носовым платком заглушила рыдания.

Пальцы отца подрагивали в ее руке.

– Моя дочь, ты должна набраться храбрости.

А сейчас выслушай меня и не прерывай. Это крайне важно. Прошу тебя, не суди меня слишком строго, ибо мой рассказ станет для тебя неожиданностью. Он также навсегда изменит твою жизнь. Слушай, малышка. Мне придется вернуться в прошлое. Это было тридцать лет назад...

Глава 1

Англия, апрель 1816 года

Серена остановилась, чтобы отдышаться и полюбоваться восхитительным фасадом дома. Тот оказался гораздо величественнее, чем она ожидала. Это был классический хозяйский особняк времен королевы Елизаветы, к главной части здания спокойных тонов примыкали два элегантных крыла, придававшие ему изящную симметрию. Она вошла на его территорию через боковые ворота. Серена решила, что в столь прекрасное утро лучше обойтись без экипажа и пройти пешком небольшое расстояние, отделявшее городок от этого места. Для этого времени года стояла мягкая погода, весенние почки почти распустились. Среди травы близ хорошо ухоженной тропинки виднелись нарциссы, полоски первоцвета и искусно засеянный ирис, который только что начал цвести. Запах камелий и форситий смешался со свежим, влажным ароматом недавно скошенной травы.

Ты должна отправиться в Англию, в Найтсвуд-Холл, в дом моего дорогого друга Ника Литтона. Эти слова произнес умирающий отец. Как ни удивительно, она оказалась в этом месте, на родине отца, и остановилась возле дома его лучшего друга. После смерти отца Серена пережила три ужасных месяца, готовясь к переезду из Парижа, однако уйма дел, свалившихся на нее, отчасти смягчили боль утраты. После закрытия игорных заведений у нее появилось удивительно много денег, которых более чем хватило бы, чтобы покрыть расходы последующих нескольких месяцев и вести вполне безбедную жизнь, если дела пойдут не так, как рассчитывал отец.

Серена была не из тех, кто строит планы на будущее, просто потому, что в силу сложившегося порядка вещей привыкла жить сегодняшним днем. Разумеется, ей хотелось иметь собственный дом и семью, но пока она весьма смутно представляла себе как это будет. Серена не познакомилась, или же ей не дали познакомиться, ни с одним мужчиной, который стал бы предметом ее мечтаний. А о доме даже нечего говорить! Она прожила почти полных два года в Париже, и это было самое длительное время, проведенное в одном месте.

Поразительные откровения отца принесли ей богатство и положение, что, как он поклялся, полностью изменит ее жизнь. Серена не возражала против перемен, однако, по правде говоря, сомневалась, что их характер... и будущее, которое ей предсказывал отец, совпадет с ее собственными представлениями. «Не все сразу, – твердила она себе. – К чему заглядывать слишком далеко. Сегодняшний день только начался».

Когда Серена мысленно вернулась к предстоящей встрече, ее начало мутить от страха. Внушительные размеры дома лишь усилили дурные предчувствия. Очевидно, Ник Литтон занимал какое-то положение в обществе. Серена боролась с желанием броситься прочь, вернуться в свои номера и еще раз убедиться, что хорошо выглядит. Платье из ситца сиреневого цвета, с высокой талией, было скроено на французский лад – книзу оно раздувалось колоколом, ряд крохотных оборок окаймляли подол и длинные рукава. И платье и доходившая до колен шубка с высоким воротником выгодно подчеркивали ее высокую стройную фигуру. Золотистые волосы были скромно убраны на макушке, маленькие завиточки обрамляли скулы, все остальное скрывала шляпка, повязанная под подбородком большой сиреневой лентой. Лайковые полуботинки годились скорее для прогулки по городской площади, нежели по сельской местности, однако они выдержали испытание и не слишком загрязнились, как и широкие оборки ее батистовой нижней юбки. Серена произведет неплохое впечатление.

Дорожка шла рядом с домом и исчезала среди каких-то построек, наверное конюшен. Она уже собиралась свернуть от развилки направо, на дорогу, ведущую к впечатляющему парадному входу Найтсвуд-Холла, как ее вдруг отвлек взрыв смеха. Последовал новый взрыв, и это так заинтриговало Серену, что она решила выяснить, в чем дело. Подняв юбку, она перешагнула через маленькую лужу и осторожно направилась туда, откуда доносился шум.

Как Серена и предполагала, тропинка привела к конному двору, грунтовой площади, окруженной с трех сторон стойлами и постройками. Сводчатый проход, в котором она очутилась, образовал четвертую сторону. Однако она увидела не лошадей, а толпу возбужденных людей, большей частью мужчин и ребят, группка женщин расположилась поодаль, в дверях, ведших, похоже, на кухню.

В середине круга бились на кулаках двое мужчин, раздетых по пояс. Толпа громко подбадривала их, давала советы, многие с волнением делали ставки. Запах лошадей и сена перебивал более свежий аромат сырой шерсти, пота и грязи. Среди шума толпы Серена расслышала тяжелое дыхание обоих соперников, глухие удары кулаков, достигавших цели, негромкий топот ног. Хотя Серене и раньше доводилось видеть пьяные драки, она ни разу не была свидетельницей кулачного боя. Испытывая любопытство и чувствуя незнакомую дрожь от волнения, она начала осторожно приближаться.

На обоих по пояс обнаженных мужчинах были лосины и шерстяные чулки. Самый здоровый из них являл собой прекрасный образец мужчины с бычьей шеей, огромными плечами и руками, напоминавшими лопаты. Однако даже неопытная Серена тут же догадалась, что избыточный вес и высокий рост не позволяют ему развернуться. Он действовал медленно, передвигался вяло, по слезившемуся закрытому левому глазу можно было судить, что его противник уже воспользовался этими недостатками. Этот мужчина напоминал кузнеца и в действительности был им, его надувшиеся бицепсы говорили о долгих часах, проведенных у наковальни.

А вот второй боксер завладел вниманием Серены. Противник гиганта был худощав, строен и изящен, хотя также отличался высоким ростом и мускулистым телом, но не в такой степени, как у кузнеца. Вероятно, он был кучером, что-то в его облике говорило о чувстве превосходства над толпой собравшихся. Его мышцы были развиты не трудом, а упражнениями. «Видеть движения его тела, – подумала Серена с неожиданным удовольствием, – все равно что сравнивать скаковую лошадь с тяжеловозом».

Кучер держался хорошо, почти не проявляя признаков усталости. Его тело сверкало от пота, но на нем удары противника не оставили никаких следов. Серена как зачарованная следовала за ним, дразня соперника, то приближался к нему, то отступал, осыпая того легкими ударами, и тут же уходил от встречных выпадов. Мышцы на его спине, плечах, руках сжимались, переливались, напрягались и расслаблялись. Пульс Серены забился быстрее. Она почувствовала, как внутри ее зашевелилось странное, волнующее первобытное чувство.

Пот, поблескивавший на коже мужчины при рассеянном солнечном свете подчеркивал рельефную мускулатуру его тела. Он так хорошо владел собой, так бережно расходовал силы, что ей на ум пришло сравнение со сжатой пружиной, с готовым к прыжку тигром, который не сомневается, что расправится с жертвой, но пока решил поиграть с ней в свое удовольствие. У тяжело двигавшегося перед ним гиганта не оставалось никаких шансов.

Вокруг нее люди в толпе перешептывались и, видимо, пришли к тому же мнению, что и она.

– Похоже, Сэмюэль снова проиграл. Сэм, вперед, мальчик, задай ему от нас!

Однако поддержка не помогла. Кузнец пошатнулся, когда пропустил сильный удар в левое плечо.

Толпа не дала ему упасть и вытолкнула на середину. Он бросился на кучера, нанес сильный удар, прошедший мимо цели, да к тому же сам потерял равновесие. Ругаясь, он подался вперед и только в последнюю минуту устоял на ногах.

На лице кучера вспыхнула насмешливая улыбка, озарившая его темные глаза. У Серены дух захватило. Он был дьявольски красив, его блестящие волосы растрепались, озорные серые глаза, обрамленные густыми ресницами, весело смотрели из-под густых черных бровей, губы изящной формы насмешливо скривились.

Оба соперника начали последний раунд. Они неторопливо ходили кругами, тут Сэмюель двинулся вперед и впервые застиг соперника врасплох, нанеся тому мощный удар в грудь. Кучер зашатался, но тут же ответил серией ударов в живот. Из пальцев кучера сочилась кровь, оставляя след на коже кузнеца и перемешиваясь с потом его тела. Сэмюель заорал от боли и повернулся боком, защищаясь от ударов и одновременно пытаясь отеснить противника бедром. Он неудачно выбрал момент для этого и совершил решающий промах, оставив лицо неприкрытым. От резкого сильного удара голова кузнеца откинулась, тут же последовал второй удар в челюсть, сваливший его с ног. Бой закончился.

Толпа одобрительно зашумела. Деньги переходили в руки тех, кто выиграл пари. Сэмюель с трудом поднялся.

Победитель продолжал стоять на месте, его лицо озаряла торжествующая улыбка. Его грудь, словно покрытая легким ковром черных волос, которые спускались к поясу лосин, часто вздымалась, пока он пытался отдышаться. Кучер пожал руку Сэмюелю, но когда ему преподнесли кошелёк за победу, он, к удивлению Серены и к явному одобрению толпы, передал его сопернику.

– Сэмюель, ты заслужил эту награду больше, чем я. Ведь никогда не знаешь, когда тебя побьют.

Толпа встретила эту острогу смехом. Было видно, что оба являются давними соперниками. Сэмюель взял слово и заявил, что в таком случае победитель тоже заслуживает награды. Из толпы раздались одобрительные возгласы. Кучер стоял, глядя на толпу, и качал головой, отказываясь от вознаграждения. Он натянул батистовую рубашку на свое разгоряченное тело и тут заметил Серену.

Она уже собиралась уходить, но толпа преграждала ей путь. Тут руку девушки схватили цепкие пальцы.

– Так, так, только посмотрите, кто к нам пришел! – Низкий голос кучера оказался удивительно хорошо поставленным. Он говорил, как бы дразня ее.

Серена густо покраснела, но даже не думала вырваться. Ее приковали к месту властный взор серых глаз и железная хватка победителя. Толпа умолкла и ждала, бросая испытующие взгляды на ее раскрасневшееся лицо.

– Поцелуй самой хорошенькой женщины и будет моим призом, – заявил кучер.

Он стоял прямо перед ней. Серена чувствовала запах его тела: от него пахло свежим потом и чистым бельем. Он был высок. Ей пришлось поднять голову, чтобы встретиться с его взглядом. Серена не опустила глаза, она высокомерно встретила его взгляд и игривую улыбку.

Его брови приподнялись.

– Она точно самая хорошенькая женщина здесь. Поцелуй будет стоить всех денег в кошельке победителя и даже больше.

Эти слова предназначались только для нее, он шепнул их Серене на ухо, сдвинув ее шляпку, решительно, но нежно приподнял подбородок. Точно во сне, Серена подчинилась, ее дыхание стало прерывистым. Он выдержал мучительную для нее паузу, затем, чуть пожав плечами, привлек ее к себе, и их губы соприкоснулись.

Как и его улыбка, поцелуй оказался игривым и длился лишь несколько секунд. Его дыхание было теплым и свежим. Прикосновение его губ – нежным. Сдержанная сила, которую Серена заметила во время кулачного боя, проявилась и в этом поцелуе, вызвав ее ответную реакцию.

Из толпы раздались одобрительные громкие выкрики, они вернули Серену к действительности, напомнив ей о цели визита.

– Отстань от меня, грубиян! – сердито сказала она, отталкивая его. *О чем только она думала?*

Кучер, осмелившийся поцеловать Серену, насмешливо поглядывал на нее.

– Грубиян я или нет, могу поспорить, что тебе это понравилось не меньше, чем мне. Кстати, что ты здесь делаешь? Это частное владение. Ты заблудилась?

– Ты здесь работаешь? – резко спросила Серена.

– Да, можно сказать, что мне выпала честь служить в этом имении.

– В таком случае я пришла сюда нанести визит вашему хозяину, мистеру Литтону.

– Ты ожидала найти его среди ремесленников, слуг и грубиянов вроде меня? – ухмыляясь, поинтересовался он.

Серена стиснула зубы. Он был невыносим.

– Если соизволишь дойти до парадной двери и показать свою визитную карточку, уверен, он с удовольствием примет тебя.

Кучер повернулся и не оглянувшись ушел.

Пытаясь снова овладеть собой, Серена прошла через двор и снова нашла тропинку, которая вела к парадному входу. Услышав трели звонка, она решительно отмахнулась от тревожных мыслей, связанных с неприятным эпизодом, сделала несколько успокаивающих вдохов и начала вспоминать все, что ей говорил отец. С трепетом в сердце она представилась дворецкому и последовала за ним. Тот шествовал величественной походкой, провел ее через помещение, вероятно служившее парадным залом. Это была огромная, обшитая панелями комната, с большим камином, в котором весело потрескивал огонь, с лестницей в дальнем конце, ведущей на верхние этажи. Однако у Серены не осталось времени полюбоваться залом, так как ее провели через дверь в стене, и она оказалась в солнечной гостиной, окна которой выходили в парк, расположенный перед домом. Кругом стоял аромат, источаемый огромным букетом свежих весенних цветов.

– Мадам, мистер Литтон скоро присоединится к вам. – Дворецкий поклонился и вышел.

Серена сложила обтянутые перчатками руки, чтобы унять дрожь, и огляделась. Это была уютная комната, модная, но удобная, и, видно, ею часто пользовались. Неброские, теплые цвета мебели, красно-золотистые ковры с узорами и темно-красная обивка резко выделялись на фоне обшивки стен темного дерева, вдоль которых тянулись декоративные перила, которые располагались как раз на высоте человеческого роста.

Как встретит ее владелец этого очаровательного дома? Разговор будет нелегким. Ее отец и Ник Литтон не виделись почти тридцать лет и давно уже даже не обменивались письмами. Серену преследовала неприятная мысль, что придется сообщать о кончине отца.

Серена нервно шагала по комнате и впервые обратила внимание на детали деревянной обшивки. В панель был вставлен фриз из роз, листьев, вереска и крохотных животных. *Последняя летняя роза, цветущая в одиночестве*. Секретный пароль, который папа доверил ей в ту ужасную ночь, когда умер от ран. Эти слова он заставлял ее повторять снова и снова, чтобы Ник Литтон не усомнился в том, кто она. Пароль показался странным, но теперь Серена поняла, что слова, составлявшие его, вполне уместны.

Каков он, этот человек, который держит в своих руках ключ к ее будущему? Наверное, ему столько же лет, сколько и отцу, а по окружающей обстановке видно, что он богат и занимает определенное положение в обществе. Наверное, это сельский сквайр, обросший жирком, что было типично для людей такого возраста. Вероятно, он еще страдал от подагры.

– Мадам, Николас Литтон к вашим услугам.

Серена вздрогнула. Она не услышала, как он вошел.

У него был низкий голос. Хорошо поставленный. Чересчур самоуверенный. И страшно знакомый. Очаровательная улыбка, которую Серена хотела состроить, застыла на ее устах, когда она обернулась.

Он вымылся и переоделся после кулачного боя и стоял перед ней элегантно одетый в светло-коричневые шерстяные панталоны в обтяжку, белоснежную рубашку с незатейливо повязанным широким галстуком, полосатый жилет, фрак зеленого цвета из тончайшей ткани, хорошо сидевший в плечах, которые не нуждались в искусственной подбивке, чтобы подчеркнуть их ширину, сверкающие ботфорты. Подняв голову, она увидела волевой подбородок, рот, выражавший нечто вроде улыбки, блестящие черные волосы, падающие на лоб, высокие скулы. И эти серые глаза.

Николас поклонился, подошел к Серене с протянутой для приветствия рукой. Ее лицо покрылось румянцем. Жаркий огонь, потрескивавший в камине позади нее, не имел к этому никакого отношения. Николас с усмешкой наблюдал за тем, как она пытается разобраться с этой ситуацией, и воспользовался смущением Серены, чтобы спокойно усадить ее возле камина в кресло с подголовником, а самому занять такое же кресло напротив.

– Скоро принесут кофе. Мисс Каше, вы ведь не против того, чтобы отведать чашечку?

Николас наслаждался ее смущением. Серена сидела прямо, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, несмотря на унижение и гнев, который ее охватил.

– Сэр, вы уже раз ввели меня в заблуждение относительно того, кто вы. Прошу вас не делать этого снова.

– Мадам, я не вводил вас в заблуждение. Я сказал, что имею честь служить в этом имении, и это правда. Мне скорее кажется, что это вы сделали поспешный вывод. Возможно, явное увлечение недостойным спектаклем затуманило трезвость вашего суждения?

– Не вижу необходимости прибегать к подобным колкостям в мой адрес, – ледяным тоном ответила Серена. – Я пришла сюда, чтобы встретиться с мистером Николасом Литтоном по весьма важному делу.

– Как уже говорил, я и есть Николас Литтон.

– Но... этого не может быть! Нет, нет, это смешно. Человек, к которому у меня есть дело, является давним другом моего отца.

– Вот как. Наверное, вы имеете в виду моего отца.

– Да. Речь, должно быть, идет о нем. Конечно, это ваш отец, – с огромным облегчением произнесла Серена. – Мне можно поговорить с ним?

Она нетерпеливо подалась вперед. Ее лицо пылало, золотистые волосы, голубые глаза, обрамленные удивительно длинными ресницами, – весь ее облик был так прекрасен, что у Николаса захватывало дух. Он не мог оторвать от нее взгляд. Он печально покачал головой:

– Простите, но боюсь, что это совершенно невозможно. Он уже десять лет как мертв.

– Мертв! – За последние месяцы Серена не раз представляла себе эту встречу, но такой поворот никак не мог прийти ей в голову. – Он умер. Я такого не ожидала, то есть мне жаль, но это для меня неожиданный удар.

Что же ей теперь делать? Отчаянно пытаясь собраться с мыслями, она тайком разглядывала мужчину, сидевшего напротив. Серена не знала о нем ничего, за исключением того, что он хорошо дерется на кулаках и позволяет себе оскорбительные вольности. Он был как раз из тех, кого отец старался бы держать как можно дальше от своей дочери. Может быть, отец всегда и даже чересчур оберегал ее, потому что они вели не совсем обычную жизнь. Естественно, Серене был запрещен вход в игорные заведения. Поскольку их несколько двусмысленное положение в обществе не позволяло ей вращаться в более уважаемых кругах, возможность встретить подходящего жениха была почти равна нулю. Честно говоря, Николас Литтон был первым мужчиной, поцеловавшим ее, хотя она и не думала признаваться ему в этом. Он и так был невыносимо самоуверен. Серена ломала голову над тем, как решить, казалось бы, нераз-

решимую задачу. Ей было суждено доверять только Нику Литтону и никому больше. Однако Ник Литтон был мертв. Похоже, не оставалось иного выхода, как довериться его сыну, если она не хочет уйти отсюда ни с чем.

Однако ход мыслей Серены, занятой не наставлениями отца хранить тайну, а Ником Литтоном, побуждал ее проявлять осторожность. Тот кулачный бой. Поцелуй. Неожиданное впечатление, которое этот человек произвел на нее. Но странно, когда Серена вспомнила сцену в конном дворе, ее охватил жар, не имевший ничего общего со смущением.

Хотя в этом было нелегко признаться, однако полубоженный Николас Литтон с перебивающимися мышцами порадовал ее взор. Когда он целовал Серену, ее первым побуждением было не желание отстраниться, как этого требовало приличие, а прильнуть к нему, почувствовать его горячее тело, курчавые волосы, крепкие мускулы и силу. Раньше у нее никогда не возникали столь вожделенные мысли. Подняв голову, Серена заметила, что он пристально изучает ее.

Встряхнувшись, Серена выпрямилась и нервно облизнула губы. Николас приподнял бровь, что придало ей сил заговорить.

– Смерть вашего отца осложнила мою задачу, но от этого она не стала менее срочной. Я уверена, что должна заручиться вашей поддержкой.

– Должны? Мисс Каше, я чувствую ваше нежелание открыть мне правду. Разве вы не доверяете мне? – Он явно заигрывал с ней.

– С какой стати? Разве было бы разумно поступить так?

– Вы сами должны решить, как поступить, когда лучше познакомитесь со мной.

– К сожалению, я не собираюсь провести в вашем обществе так много времени, чтобы знакомиться с вами, – колко ответила Серена. – Я пришла за бумагами, которые мой отец доверил вашему. Это личные документы, которые он не хотел подвергать риску на континенте. Вы должны знать, что мы там вели... как бы это сказать, странствующий образ жизни.

– Значит, вы приехали в Англию совсем недавно?

– Да, из Франции. Я в Англии впервые.

– Позвольте мне выразить вам комплимент по поводу совершенного владения нашим языком.

– Мистер Литтон, признаться, я англичанка, – холодно заметила Серена. – Мой отец англичанин, дома мы всегда общались на родном языке. Ваши подозрения мне понятны – мое неожиданное появление здесь, должно быть, произвело странное впечатление. Но уверяю вас, я не мошенница. Я также не французская шпионка, если вас беспокоит такая возможность.

– Мадемуазель, вы положили меня на обе лопатки. Однако боюсь, что вас ждет разочарование, поскольку я ничего не знаю о ваших документах. Я давно просмотрел все личные вещи отца. Если бы эти бумаги оказались здесь, они бы уже давно нашлись.

– Но они должны быть здесь! Вы точно знаете, что он ничего не сказал перед своей смертью? А не мог он хранить их у своего адвоката?

Николас нахмурился, его озадачил ее серьезный тон.

– Нет, в таком случае мне об этом сообщили бы.

– Вы должны кое-что вспомнить. Не мог же ваш отец совсем не упомянуть о своем друге!

Ее отчаяние пробудило любопытство Николаса. Что бы Серена ни говорила, она явно что-то утаивала. Ее прелестный взгляд был устремлен к нему с мольбой, способной разжалобить самое черствое сердце. Николас мог лишь гадать, какое впечатление на нее могла произвести его благосклонность.

– Возможно, если бы вы рассказали мне чуть больше, это могло бы освежить мою память.

– Это личные документы, не имеющие никакой ценности для других. На них значится имя моего отца.

Само нежелание Серены раскрывать подробности заинтриговало его.

– Каше?

Серена прикусила губу, чувствуя на себе его более чем пронизательный взгляд. Хотя он вел себя раскованно, у нее не оставалось сомнений в том, что Николас Литтон не доверяет ей, и она не могла винить его за это.

– Нет, Каше-Стамп.

– Стамп? В таком случае Каше – фамилия вашего мужа? Мадам, приношу извинения. Наверное, я не совсем внимательно ознакомился с вашей визитной карточкой.

– Я не замужем. Моя фамилия тоже Стамп.

– Однако на вашей визитной карточке значится Каше.

– Да, потому что... о боже, какая нелепая ситуация! – Серена рискнула мельком взглянуть на него. Она увидела насмешливое выражение лица хозяина дома и снова опустила голову. Николас Литтон недоверчиво улыбался. Серена держала руки на коленях, нервно сжимая их, что явно говорило о том, как неловко она чувствует себя. Наконец Серена заставила себя посмотреть Николасу в глаза. – Каше – означает печать. Моя настоящая фамилия – Стамп, хотя я узнала об этом от отца, когда тот лежал на смертном одре. У него было странное чувство юмора.

При этих словах Николас криво усмехнулся:

– Поразительно, на что, оказывается, способны родители перед лицом смерти.

– Простите, я не поняла?

– Я вам сочувствую, мадемуазель, только и всего. Я тоже пережил нечто подобное. Должно быть, это стало для вас полной неожиданностью.

– Это был страшный удар. Отец умер внезапно. Он стал жертвой ограбления. Мне трудно, мне тяжело смириться с этим. – Она умолкла, достала из ридикюля платок и вытерла глаза.

– Простите, я не хотел вас расстраивать, – сказал Николас уже с большим участием. – У вас остались другие родственники?

– Нет. Никого. Нет, насколько я помню. Мама умерла, когда мне было десять лет, меня вырастил папа. Теперь я осталась одна.

– Не верится, что у столь прелестной девушки никого нет. Неужели эти французы совсем ослепли?

– Мистер Литтон, наверное, это потому, что я очень разборчива. Похоже, мы несколько отклонились от сути вопроса.

– Ах да. Суть вопроса. Ваши бумаги. Как долго они хранились у моего отца невостребованными?

– Больше двадцати лет.

– И вы все время знали об этом?

Серена разглядывала свои перчатки.

– Нет. Я узнала об этом только...

– Я угадаю. Видимо, отец рассказал вам о них, лежа на смертном одре.

Она нервно рассмеялась:

– Я понимаю, все это похоже на сказку.

– Вот именно.

– Вижу, вы не верите мне. – «В этом нет ничего удивительного», – подумала она и встала, собираясь уходить. Ей придется идти к адвокату без этих документов. – Я больше не стану отнимать у вас время.

Николас не сомневался, что ее бумаги, если они существовали, были утеряны, но он не собирался так легко отпускать ее. Николас изнывал от страшной скуки, а тут вдруг является столь прекрасное создание! Уверенный вид, приятный голос, хорошие манеры – она выглядела как знатная дама, но его не одурачишь. Ни одна молодая женщина знатного происхождения не явится к джентльмену без сопровождения. А о том, чтобы позволить себе глазеть на кулачный

бой, и говорить нечего. Чем больше Николас смотрел на нее, тем больше убеждался, что стоит завоевать ее благосклонность.

– Мадемуазель, да не торопитесь вы так, дайте мне немного подумать. Фамилия вашего отца, его настоящая фамилия, кажется мне знакомой. Вы не расскажете еще что-нибудь, что могло бы навести меня на след? – Он просто дразнил Серену, затягивал ее визит, чтобы скоротать время, но ответ стал для него неожиданностью.

– *Последняя летняя роза, цветущая в одиночестве*. Я должна была произнести эти слова, чтобы у вашего отца не возникло сомнений относительно того, кто стоит перед ним. – Серена улыбнулась, невольно реагируя на взрыв хохота Николаса. – Понимаю, сейчас это похоже на фантастическую выдумку.

– Возможно, это выведет нас к чему-нибудь, – сказал Николас, указывая на обшивку. Он хотел пошутить, так как нисколько не верил рассказу Серены, однако ее реакция заставила его призадуматься.

– Ну, конечно же, – с волнением произнесла она и хлопнула в ладоши. – Тайник. Как здорово, что вы об этом вспомнили!

Длинный локон цвета спелой пшеницы скрыл ресницы Серены и очаровательно устроился на ее щеке. Ее живые глаза засверкали бирюзовым цветом. Серена бесхитростно улыбнулась ему, и он вспомнил прикосновение ее нежных губ. Восхитительно! Она была просто очаровательна, а он и в самом деле изнывал от скуки.

– Разумеется, – тут же подыграл ей Николас, – это разгадка. Почему бы нет? Как-никак этот дом построен в эпоху Тюдоров, он весь утопает в розах. В любой комнате панели украшены розами, не говоря уже о тех, которые вставлены в каменную кладку каминов и даже спрятаны на некоторых предметах старой мебели. Более того, когда дом построили, в нем жила семья, исповедовавшая католицизм. Здесь имеются тайники, секретные ходы, замаскированные двери и все такое. На то, чтобы тщательно обыскать все, могут уйти недели.

– Недели!

«Погоня за миражами с легким флиртом поможет весело провести время», – решил Николас. На этой неделе он собирался уехать в Лондон или на континент, в зависимости от характера вестей, которые он ждал. Он еще окончательно не определился с выбором. Почему бы не пойти навстречу такой обаятельной девушке и некоторое время не заняться простукиванием панелей? Подобная вынужденная близость обязательно принесет желаемые плоды.

– Возможно, на это уйдет несколько дней, если вам поможет тот, кто знает, где искать.

– Вы имеете в виду себя? – робко поинтересовалась Серена.

– Да кого же еще? Однако вам следует иметь в виду, что вы будете разделять общество убийцы.

По сжатым губам и нахмуренным густым черным бровям Серена сразу же догадалась, что он больше не дразнит ее, однако не восприняла его слова серьезно.

– Надеюсь, вы шутите, мистер Литтон.

– Отнюдь нет, уверяю вас, хотя пока я еще не стал настоящим убийцей. Две недели назад я дрался на дуэли. Я был навеселе, а мой противник вел себя очень вызывающе, так что дуэль стала неминуемой.

– Мой отец говаривал, что джентльмену лучше разрешить спор в честном поединке и в трезвом уме, чем в пылу спора пускать в ход кулаки.

– Он рассуждал здраво. Мы так и поступили. Мой противник плохой фехтовальщик, а я, по общему мнению, владею рапирой выше среднего. Я нанес ему укол превентивного свойства. Выпад у меня отлично получился, я угодил ему в плечо и выбил рапиру из его руки. Гарри Анджело, учитель фехтования, похвалил бы меня, однако противника, к сожалению, это лишь разозлило. Я отвернулся, полагая, что поединок закончен. Он поднял свою рапиру и бросился на меня. Мне оставалось лишь защищаться, а поскольку меня застали врасплох, я нанес ему

рану, которая может оказаться смертельной. И вот я здесь торчу в глуши и жду, чем все закончится. Я готов бежать от длани закона на континент, если мой соперник отомстит мне, решив умереть, ибо дуэли, как вы знаете, сейчас объявлены вне закона. Так что я весьма рад предоставить себя в ваше распоряжение.

Серене стало не по себе от недоброго огонька, сверкнувшего в его глазах. Ей все время не давала покоя мысль о том, что он захочет получить взамен своей услуги.

– Вы очень любезны, но я опасаясь, что создам вам много хлопот. К тому же я нарушу приличия, если одна буду находиться с вами.

– Приличия! Только послушайте, а я-то очень надеялся, что будет совсем наоборот.

Пораженная его откровенностью, Серена густо покраснела и тут же встала:

– Видно, мой приход сюда без сопровождения привел вас к ложному представлению о моей репутации.

Николас хранил возмутительное спокойствие.

– Верно, и еще то, как вы меня целовали.

Серене никак не удавалось застегнуть перчатку, ее лицо еще больше залилось краской.

– Что ж, мистер Литтон, позвольте мне внести ясность. Если бы я даже согласилась на вашу помощь, а этого еще не произошло, и осталась бы здесь наедине с вами, подвергая риску свою репутацию, имейте в виду, что я не из тех женщин, кто станет вознаграждать вас поцелуями.

– Правда? В таком случае я должен предположить, что тот поцелуй после кулачного боя не имеет никакого отношения к вашей репутации? – Николас взял ее за руку и со знанием дела застегнул непослушную пуговицу.

Серена хотела отдернуть руку, но Николас не выпускал ее. Она чувствовала его теплые пальцы сквозь мягкую кожу перчатки. Пальцы были длинные и тонкие, ногти аккуратно пострижены. Костяшки пальцев после кулачного боя покрывали царапины и синяки. Казалось, что рука Николаса скользит к ее локтю, отчего она почувствовала, как по ее телу побежали мурашки. Серена настороженно взглянула на него, догадываясь, что следует что-то предпринять, однако она, как и прежде, впала в состояние транса. Его намерения не оставляли ни малейших сомнений. Николас снова собирался поцеловать ее.

– Нет, – произнесла Серена с забавным придыханием, что было ей совсем несвойственно. – Я не стану расплачиваться за вашу помощь тем, что позволю вам проявлять фамильярность. Вы меня неправильно понимаете.

– Вы не упустили случая поцеловать грубияна на конном дворе, но не хотите поступить так же с джентльменом в гостинице, – насмешливо сказал он. – Я ничего не сделаю против вашей воли, тем более сейчас.

– Тогда отпустите меня.

– Мадемуазель, я отпущу вас, как только вы убедите меня, что хотите уйти.

И снова этот взгляд – казалось, будто он читает ее мысли, отчетливо видит, какая в ее душе происходит борьба между тем, чего не следует и чего хочется делать. *Это ведь был всего лишь поцелуй и ничего больше.* Если он относится к этому беспечно, то чем же она хуже?

– Это ведь всего один поцелуй, – настойчиво прошептал Николас, воспроизводя ее мысли столь точно, что Серена засомневалась, не произнесла ли она их вслух. – Поцелуй, который скрепит наш совместный поиск.

Серена раскрыла губы, чтобы ответить «нет», но не сумела вымолвить ни слова, а он воспринял это как приглашение. Его губы были прохладны, нежны, упруги и вкрадчиво осторожны. На миг у Серены перехватило дыхание, и она растерялась. Его губы застыли. Тут она почувствовала, что ее рука сама коснулась шелковых волос на его затылке. Губы Серены против ее воли раскрылись, точно лепестки цветка, встречая лучи солнца. Прильнув к его губам,

она слилась с ним в объятии и наслаждалась его вкусом, запахом, силой. Серена растворилась в новых странных ощущениях.

И вдруг все закончилось. Николас отстранился от нее:

– Думаю, пока достаточно. Продолжение может быть воспринято как вольность. Несмотря на ваше первое впечатление обо мне, я все же джентльмен. Я не нарушу своего слова и не пойду наперекор вашей воле.

Серена покачала головой и едва сдержала желание коснуться рукой его губ, ведь они вызывали дрожь в ее теле.

– Я еще ни на что не давала своего согласия.

– Да будет вам, мадемуазель, вы же не собираетесь уйти отсюда без своих ценных бумаг? Чего вы боитесь? – спросил Николас возмутительно уверенным голосом. – Вы что, разуверились в себе?

Если на то пошло, она уже не полагалась на себя! Перед ней был настоящий соблазнитель, от которого следовало держаться как можно дальше.

– Не льстите себе, – колко ответила Серена, – я вполне уверена, что смогу противостоять вашим чарам.

– Значит, вы согласны на то, чтобы я вам помогал?

Как все просто! Без его помощи ей не получить своего наследства. Серена могла разыскать адвоката отца, но без этих документов такая встреча лишена смысла. Она всматривалась в его лицо, ища обнадеживающие признаки.

– Вы обещаете, что будете вести себя прилично?

– Мадемуазель, я уже дал вам обещание. Не вижу смысла давать еще одно.

Оба оказались в тупиковой ситуации, и он понимал это! Серена безмолвно дулась.

– Что ж, очень хорошо. – Она наконец-то уступила, но не совсем изящно. – С таким опытным помощником, как вы, мы ведь не слишком долго будем искать эти документы?

– Очень разумное предположение. Вы хотите начать прямо сейчас?

Серена пыталась собраться с мыслями, которые к этому моменту разбежались во все стороны главным образом из-за того, что она, к своему возмущению, принялась отвечать на его поцелуи. И не единожды, а целых два раза!

– Спасибо, мистер Литтон, лучше не будем. На сегодняшний день у меня и так достаточно приключений, – сухо ответила Серена. – Думаю, мне следует вернуться в городок, в свои номера. Я приду сюда завтра утром, если это вас устроит.

Николас широко улыбнулся:

– Моя дорогая мадемуазель, я не могу найти в вас ничего такого, что бы меня не устроило.

– До встречи, мистер Литтон.

Глава 2

Серена вернулась в свои номера в небольшом городке Хай-Найтсвуд, расположенном на расстоянии более мили от Найтсвуд-Холла, и обнаружила, что мадам Леклерк ждет ее. Мадам была парижской модисткой, которой не терпелось сколотить состояние в Лондоне. Услышав, что Серена едет в Англию, она вызвалась сопровождать ее. «Чтобы оказать вам моральную поддержку, дорогая, как того пожелал бы ваш добрый отец. Я хочу начать собственное дело, – пояснила мадам Леклерк. – За эти годы английские леди совсем забыли, что такое высокая французская мода. Теперь, когда мы снова стали друзьями, богатым дамам пора научиться, как следует прилично одеваться. Как вы, мадемуазель», – угодливо добавила она.

Серена с благодарностью приняла предложение мадам, хорошо понимая, что отец не позволил бы ей путешествовать одной. К сожалению, скоро обнаружилось, что ее компания обойдется Серене дороже щедрой зарплаты и номера, которые вытребовала модистка. Мадам оказывала ей моральную поддержку, однако ее общество навевало смертельную скуку.

Во время плавания на пакетботе мадам заболела морской болезнью. Она чувствовала себя плохо всю дорогу до Хай-Найтсвуда: то мучилась приступами тошноты, то с дрожью в голосе жаловалась на все, включая пружины экипажа, состояние дорог, влажные простыни на почтовых станциях. Леклерк плохо говорила по-английски, из-за чего Серене приходилось заступаться за француженку, когда та попадала в затруднительные ситуации. Серена вздрогнула, вспомнив один эпизод, участниками которого стали мадам, хозяйка «Ред-Лайон» и забытый ночной горшок. К тому же мадам никак не могла привыкнуть к английской погоде. «*Льет как из ведра. Дождь, дождь, дождь!*» – восклицала она каждый день, невзирая на то была погода хорошей или плохой.

Когда Серена сняла шляпку и шубку, мадам Леклерк заставила ее выслушать длинную речь, в которой подвергла разному английскую еду:

– От ростбифа у меня болит живот. Одно мясо и никаких соусов. Я умираю от голода.

Глядя на полное тело мадам Леклерк, нависшей над ней, точно гриф, Серена пришла к выводу, что последняя жалоба не имеет под собой основания.

– Только взгляните вот на это! Только посмотрите, мадемуазель Серена! И это безобразие называется ужином. Скажите на милость, дорогая, как же мне, доброй француженке, можно это есть? – Мадам театральным жестом указала на сервированный стол.

Серена неохотно подняла салфетку. Пришлось признаться, что хозяйка готовит без особых изысков, однако после сегодняшнего дня Серена не была расположена сочувствовать мадам.

– Мадам, это голубь с горошком и к тому же вполне съедобный. Хотите ешьте, хотите не ешьте, мне все равно, однако присядьте, пожалуйста, я должна кое-что сообщить вам.

Серена положила голубя мадам и себе, прежде чем приступить к нелегкой задаче – сказать француженке, что им придется задержаться в Хай-Найтсвуде до тех пор, пока Серена не уладит «одно дело личного характера». На лице мадам, которая слушала, угрюмо молчала и, чавкая, уверенно расправлялась уже со вторым голубем, появилось откровенное выражение недовольства. И, как только тарелка мадам опустела, та разразилась злобной тирадой:

– Вы обещали мне, что мы едем прямо в Лондон. Сезон уже начался, а мне надо завести клиентов сейчас, пока те не успели приобрести платья. Подобная задержка разорит меня! – Пухлая белая рука запорхала у впечатляющей груди мадам. Спутница Серены какое-то время громко протестовала и была безутешна.

Пока страдания модистки обретали более бурный характер, Серена отказалась от мысли о том, что стоило ли взять мадам с собой во время посещения Найтсвуд-Холла. Серена пыталась вообразить, что Николас Литтон подумал бы о ее спутнице. Наверное, он спустил бы мадам с

лестницы или отправил бы восвояси. К тому же Серене пришлось бы отвечать за неминуемую ссору между мадам и поваром Николаса, после чего и речи не могло бы быть о соблюдении каких-то приличий.

Серена рано легла спать, но не могла заснуть. Из соседнего номера через тонкие стены раздавался отчетливый ритмичный храп мадам Леклерк. «Она храпит так громко, что оконные стекла дрожат», – с раздражением подумала Серена, взбивая подушку в тщетной надежде устроиться поудобнее. Миновал трудный день. Известие о смерти Ника Литтона-старшего выбило Серену из колеи, хотя она полагала, что на ней это никак не скажется. Она была недовольна собой за то, что оказалась неподготовленной к встрече. Обещание его сына помочь было палкой о двух концах. Николас Литтон вполне ясно дал понять, что отнюдь не считает ее достойной уважения.

Он был из тех мужчин, от которых исходили сигналы опасности, стоило только им войти в помещение. Было бы глупо не обращать на это внимания. От Николаса исходило нечто возбуждающее, будто он в любой момент мог совершить что-то неожиданное, преступить границы приличия ради забавы. Вздвогнув, Серена поняла, что именно это, а не физическое обаяние, влекло ее к нему. Она должна быть начеку всякий раз, оставаясь с ним наедине. Несмотря на странный образ жизни, ее репутация была безупречной. Серена не могла запятнать ее сейчас, хотя было бы неверно утверждать, что она оставалась безразличной к соблазну. К сожалению, Николас Литтон слишком хорошо понимал это обстоятельство.

Возможно, ей все же следует уговорить мадам Леклерк выступить в роли компаньонки. Из-за стены раздался особенно громкий храп, и Серена захихикала. При мадам даже мистер Николас Литтон не поддавался бы соблазну преступить границы приличия. Но он ведь мог просто избавиться от француженки. Серена закрыла глаза. Ее мысли блуждали, она слишком устала, чтобы спорить сама с собой. Найтсвуд-Холл ведь так далеко от Лондона, что вряд ли кого заинтересует, что здесь происходит.

В то время, когда Серена наконец-то задремала, Николас в гордом одиночестве сидел в небольшой уютной столовой Найтсвуд-Холла, раздумывая над щекотливой темой – завещанием отца. Убрали посуду и скатерти. Перед ним лежал отчет делового партнера об интересующем его деле. Фрэнсис Элдон не сообщал ничего радужного.

Дворецкий поставил на стол перед ним графин с портвейном и баночку с нюхательным табаком, затем подбросил полено в камин и проверил, плотно ли задернуты шторы.

– Желаете еще что-нибудь, мистер Николас?

– Нет, спасибо. Скажи слуге, чтобы не дожидался меня. Я сам лягу спать. Спокойной ночи, Хью.

– Спокойной ночи, сэра. – Дворецкий поклонился и тихо вышел.

Николас налил себе портвейна и стал вертеть в руке изящный хрустальный бокал. Его мысли, как и вино, бесконечно вращались по кругу. Николас устал, и это понятно – ведь поединок с Сэмюелем получился более напряженным, чем раньше. Оба были спарринг-партнерами с детства. При ярком свете камина он грустно взглянул на свои ободранные пальцы. Не скажешь, что это руки джентльмена. Давно пора прекратить все эти глупости. Однако Николас никогда не смог бы устоять перед вызовом.

Но ему уже двадцать девять лет, в таком возрасте пора остепениться. Как напоминал Фрэнсис Элдон в своем письме без всякой необходимости, через неполных три месяца Николасу стукнет тридцать. Если не удастся изменить завещание, наследство достанется его кузену Джасперу. Если только Николас не последует совету Фрэнсиса и не женится.

Николас все время наивно верил, что адвокаты придумают, как отменить роковой пункт, однако время истекало, а их усилия ни к чему не приводили. Последняя воля отца грозной

черной тучей надвигалась на него. Ему следовало раньше растормошить адвокатов. *Проклятье, должен же найтись какой-то выход!*

Николас встал и, чтобы не дать камину угаснуть, рассеянно бросил в огонь еще одно полено, но тут же отскочил, когда искры посыпались на коврик. Он не допустит, чтобы кто-то отодвинул его в сторону. Он не допустит, чтобы даже отец, прибегнув к шантажу, вынудил его вступить в брак.

Отец в конце жизни снова женился. Мелисса оказалась послушной женой. Эта молодая женщина согласилась стать нянькой для мужчины намного старше ее, с неважным здоровьем. К удивлению всех, кто знал его, Ник Литтон, все время ведший разгульную жизнь, с удовольствием погрузился в семейное блаженство, да к тому же стал приверженцем института брака. Николас Литтон глубоко вздохнул. Ему следовало бы все предвидеть после того последнего бурного разговора.

«Мой мальчик, до меня дошло, что ты снова устроил скандал». Простуда, которую отец схватил на охоте, задела его легкие. Стало ясно, что он долго не проживет. Николас помнил, что каждый вздох отца получался резким и болезненным, после чего следовал хриплый выдох. Однако одно он никак не мог вспомнить – точные обстоятельства скандала, который так расстроил старика. Насколько Николас помнил, речь шла о какой-то девушке, которую он пытался выдать на вечеринке за представительницу светского общества. Да, все случилось именно так. Еще было пари, которое Николас проиграл, когда эта девушка рассказала весьма трогательную историю, к тому же ее узнал один из бывших ухажеров.

До появления Мелиссы отец лишь посмеялся бы над этим, однако после второго брака он стал напыщенно-праведным. «Мой мальчик, ты слишком часто позорил имя нашей семьи», – прохрипел Ник Литтон.

«Отец, ради бога, – возразил Николас, – вы говорите так, будто я распутник. Как вам хорошо известно, я стараюсь давать волю своим страстям только в известном женском обществе. Вы сами так раньше поступали, – многозначительно сказал он. – Я никогда не подаю ложных надежд. Мне кажется, что таким поведением следует скорее гордиться, нежели стыдиться этого».

Отказ Николаса раскаяться стал причиной того, что весь гнев отец обрушил на его голову. Ник Литтон рвал и метал, проклинал сына и, наконец, когда тот не выказал ни малейших признаков угрызения совести, стал угрожать ему. «Я позабочусь о том, чтобы ты больше не смог вести подобную жизнь. Николас, ты отбил от рук, и, клянусь Богом, я положу конец этому. Помяни мои слова».

Разговор на этом закончился. Николас вспомнил о нем только после смерти отца, когда ему сообщили о значительных изменениях в завещании. Он лишь посмеялся и тогда не принял это слишком серьезно. Пока не наступил сегодняшний день.

Даже в ранней юности Николас не испытал ничего похожего на любовь, находя, что это чувство, будучи удовлетворенным, слишком быстро вянет. Из-за эффектной внешности и большой щедрости он считался завидным женихом, но в светском обществе ни одной леди ни разу не удалось заявить свои права на него. В отличие от своих сверстников, он вел себя крайне осторожно. Говорят, недавняя попытка бедной Каролины Лэм отомстить Байрону обернулась тонко замаскированным романом, в котором под вымышленными именами выведены реальные лица. Николас вздрогнул, представляя себе встречу на званом приеме с призраком отвергнутой любовницы, не говоря уже о том, что ужасные детали любого романа всегда становились поводом для сплетен в обществе.

Нет, он взял за твердое правило ограничивать свои амурные дела женщинами другого круга, которые отлично разбирались в правилах игры. Все эти годы ему везло с любовницами – те сочетали в себе красоту с опытом. Когда они надоедали, от них можно было просто откупиться. И никаких обид. Никаких страданий. Никаких сожалений. Всего несколько безделу-

шек, щедрая сумма денег и прощай. Николаса это устраивало. Он сам выбрал такую жизнь, и она устраивала его. Николас считал, что нет никаких причин что-либо менять.

К черту, пусть все остается по-прежнему. Николас отправил письмо Фрэнсиса Элдона в камин. Когда юристы исчерпают все возможности, тогда он, вероятно, задумается о том, не пора ли жениться. Сейчас ему надо занять мысли более приятными вещами. Например, сногшибательной мадемуазелью Сереной Стамп, ее нелепой сказкой о спрятанных бумагах и давно утерянной дружбе.

Что касается дружбы, то Серена вполне могла сказать правду – его отец в юности вел разгульный образ жизни. Войны с Францией способствовали тому, что многие предпочитали затеряться в неразберихе, царящей на континенте, и полагали, что их темные делишки забудутся. Не оставалось сомнений, что дорогой папочка Серены был одним из этой породы. Ясное дело, он был из тех, кто искал приключений. Серена сама явно принадлежала к породе тех же людей, она выдала себя, заговорив – о чем же это она заговорила? – о странствующем образе жизни.

Стамп. Эта фамилия точно была ему знакома. Утром он напишет Фрэнсису, попросит его поразмыслить над завещанием, затем как можно больше разузнать про очаровательную Серену и ее отца. Николас зевнул, закрыл камин предохранительной решеткой, задул свечи и устало отправился спать.

После долгих размышлений Серена решила представить Николасу мадам Леклерк только в том случае, если возникнет крайняя необходимость. Сама она даже думать не стала над тем, какой смысл заключается в словах «крайняя необходимость». На следующее утро Серена встала рано и покинула свои номера задолго до того, как ее спутница явилась к завтраку. Полагая, что поиск документов обернется пыльной работой, она надела скромное платье из набивного хлопка и крепкие полусапожки. Короткий шерстяной плащ защитит ее от раннего холода английской весны, волосы она уложила на голове кольцом и повязала их лентой из того же материала, что и платье.

Очаровательно! – таким эпитетом встретил ее Николас Литтон. Он сам оделся просто – облегающие лосины, темный жилет и скромный темный фрак. В знак приветствия он быстро пожал руки Серены, одетые в перчатки, но не предпринял иных попыток коснуться ее. Серена не знала, радоваться этому или нет.

Они сели в маленькой столовой, примыкающей к кухне, за чашечкой кофе и стали обсуждать, как лучше приступить к поискам, следуя единственной догадке, которая пришла им на ум.

– Думаю, можно смело предположить, что тайник находится здесь, – сказала Серена. – У вас ведь нет других домов, на панелях которых красовались бы розы?

– Нет. Оба лондонских дома и охотничий домик строили еще в то время, когда ваш отец, как вы утверждаете, передал моему эти документы. Это произошло более двадцати лет назад. Я правильно говорю?

Серена кивнула:

– Он сообщил, что отправил документы вашему отцу вскоре после моего рождения.

– Где вы родились?

– В La Bourgogne. В Бургундии. Моя мать родом оттуда.

– Значит, это место вы можете считать своей родиной?

– Нет, нет, родители мамы не одобрили ее брак. Мои родители не хотели говорить об этом. Думаю, нет такого места, которое я могла бы назвать родиной. Я нигде не оставалась столь долго, чтобы пустить там корни.

– Почему?

Серена на мгновение задумалась, поджала губы, чуть нахмурила красивые брови.

– Странно, но мне как-то не пришло в голову спросить об этом. Папа говорил, что все зависит от его деловых интересов, но я не думаю, что он сказал всю правду. Ему просто нравилось путешествовать. Я жила в красивых городах – Вене, Риме, Страсбурге и, конечно, в Париже, но все время считала себя там чужой. Мы, мои родители и я, так долго вращались в собственном маленьком мирке. У меня сколько угодно знакомых, но в действительности нет ни одного друга.

– Можно поинтересоваться, в чем именно заключались деловые интересы вашего отца?

– Ну, он пытался заниматься многими делами, – неопределенно ответила Серена. – Он предпочитал, чтобы я в них не участвовала.

– Чем бы ни занимался ваш отец, должно быть, это приносило доход. Я не мог не обратить внимания на качество и стоимость того восхитительного наряда, который был на вас вчера. Разумеется, если предположить, что деньги на него дал ваш отец.

Николас смотрел на нее с кривой усмешкой, которая волновала и в то же время злила ее.

– Вы полагаете, у меня есть богатый покровитель? Возможно, толстый пожилой джентльмен, которого я награждаю своей благосклонностью за подарки?

Николас почувствовал неожиданный укол ревности при мысли, что кто-то мог бы снискать благосклонность Серены, и он неискренне улыбнулся.

– Это нелепый разговор, – сказала Серена, почувствовав в нем перемену настроения. – У меня нет тайн, уверяю вас. А теперь давайте не будем попусту тратить время и начнем поиск документов.

Николас пожал плечами:

– Что ж, пусть будет так. Насколько мне известно, здесь имеется ряд скрытых панелей и пара тайников. Можно начать с них. Надеюсь, вы не боитесь испачкаться пылью? В некоторые из этих мест никто не заглядывал годами. Ничуть не сомневаюсь, что мы будем иметь дело с пауками. А может быть, даже с крысами.

– Поверьте мне, я оказывалась и в более неприятных ситуациях. Я не люблю этих тварей, но и не боюсь их. Отец учил меня никогда не быть слишком щепетильной. Можете не бояться, что я упаду в обморок и вам придется хлопотать надо мной. – Серена подняла глаза и заметила удивленное лицо Николааса. – О боже, вы хотели, чтобы я потеряла сознание и оказалась в ваших объятиях? Прошу меня извинить. Пожалуй, можно сделать вид, что я испугалась, если вам этого так хочется.

Николас тихо рассмеялся:

– Нет, спасибо. Если бы мне хотелось заключить вас в объятия, моя смелая мадемуазель Стамп, я мог бы придумать более простой способ, как добиться этого.

Серена встала и встряхнула свои юбки.

– Вы слишком самоуверенны, мистер Литтон.

– Посмотрим, – коротко ответил он.

Спустя три часа они оба перепачкались пылью, к оборкам юбок Серены прицепилось множество паутины, но документов нигде не было.

В первом тайнике под буфетом близ камина, на котором были вырезаны розы Тюдоров, обнаружился лишь мышиный помет.

Следующий тайник оказался в гостиной верхнего этажа и представлял собой хитроумный люк, приводимый в действие поворотом розы на соседней панели. Когда Николас опустился в него, он обнаружил там сплюсненную шляпу более ранней эпохи, с невысокой тульей. Он появился из тайника с этой шляпой на голове. Серена рассмеялась не столько над нелепым видом Николааса, который придавала ему чересчур большая шляпа, сколько над ободком из грязи, оставшимся на его лбу, когда он снял этот головной убор. Серена подумала: с этим ореолом из пыли и стального цвета глазами он напоминает причудливого черного ангела. Или, быть

может, дьявола. Серена протянула руку, чтобы смахнуть пыль с его лица, но тут же отдернула ее, встретив его тревожный взгляд.

– Простите, но... если вы посмотрите в зеркало... ваши волосы в пыли.

В большой строгой столовой, в которой панели также украшали узоры из роз, они обнаружили потайную дверь, ведущую в пустоту, выдолбленную в колонне.

– Мой отец собирался хранить свои бумаги здесь, пока я не сообщил ему, что домочадцы, а то и все жители этой местности узнали об этом. После этого он вернулся к более традиционному методу, заперев документы в письменном столе.

И на этот раз они ничего не нашли.

Когда в хозяйской спальне Николас открыл одну ставню, обнаружилось еще одно потайное место, а на пол, кружась, упала какая-то бумажка. Он передал ее Серене и улыбнулся, видя, с каким нетерпением та развернула ее, и разразился хохотом, когда выяснилось, что это счет за три пары вечерних перчаток и шесть страусовых перьев.

– Здесь спал отец. Могу лишь представить, как ему хотелось, чтобы этот счет не попал на глаза матери. До второй женитьбы отец был щедр на подарки.

– Правда? Что ж, полагаю, так же вел себя мой отец после смерти матери и до того, как женился на ней.

– Вас это не шокирует?

– Нет. С какой стати? Папа очень любил мою маму, а интерес к другим женщинам он стал проявлять лишь через много лет после ее смерти. Стоило ли завидовать тому, что он проводил время в приятной компании?

– Весьма просвещенный взгляд.

Спокойный ироничный тон Николаса раздражал ее. Однако, вовремя спохватившись, что не в ее интересах ссориться с ним, Серена сделала вдох, успокаивая себя, и заговорила снова:

– Не просвещенный, а всего лишь честный взгляд. Стоит ли делать вид, что в мире все происходит по заведенному порядку, если всякому, кто желает, видно, что это не так? Это не значит, что я одобряю подобное поведение, но было бы совсем глупо утверждать, что ничего подобного не происходит.

– Соглашусь, это глупо. Все же прекрасный пол причастен к этому не меньше. Хотелось бы спросить: придерживался ли ваш отец того же просвещенного взгляда, когда дело касалось его дочери?

– Разумеется, нет. Вы ведь хорошо знаете, что с женщинами дело обстоит иначе. Думаю, вы подтруниваете надо мной.

– Совсем наоборот, я должен отдать вам должное за столь искренние взгляды.

Снова Серена с трудом сдержала гнев, вызванный словами Николаса, и хотя он это отрицал, она поняла, что ее умышленно пытаются вывести из себя. Удержавшись от колкости, готовой слететь с ее уст, Серена присела в насмешливом реверансе.

– Сэр, вы слишком добры. О, если бы я только могла похвалить вас за то же самое.

– Bravo, мадемуазель. Должен признаться, вы попали в самую точку.

Серена невольно рассмеялась:

– Ради бога, зовите меня Сереной. Терпеть не могу формальностей. Во всяком случае, смешно ползать по грязи и в паутине, величая друг друга мистер Литтон и мадемуазель Стамп, именем, которое я нахожу странным, хотя и ношу его.

– Я польщен. Серена звучит прекрасно. Мне было бы приятно, если бы вы тоже звали меня по имени.

– Отец назвал меня так за безмятежность, хотя я не уверена, что он разобрался во мне. Тем не менее благодарю вас, Николя.

Серена произнесла его имя на французский лад, опустив последнюю букву, чем пробудила в нем смутные догадки. От Серены веяло какой-то чувственностью, становившейся все

более ощутимой, потому что Николас никак не мог определить, проявляется ли она осознанно. Николя. Его имя ласкало слух.

– Я так понимаю, что вам самому эта комната не совсем по душе, – заметила Серена, оглядываясь вокруг и не замечая его пристального взгляда. – В этом нет ничего удивительного, она производит угнетающее впечатление.

– Согласен, – ответил Николас, мысленно возвращаясь к началу их разговора. – Честно говоря, мне никогда не хотелось селиться в комнату покойного родителя. В этом мало приятного, особенно когда хочешь кого-то пригласить к себе. Возникает ощущение, будто за тобой следят как раз в то время, когда этого хотелось бы избежать.

От испуга у Серены перехватило дыхание.

– Не стоило говорить столь откровенно! Мне лишь показалось, что эта комната оставляет тягостное впечатление. И не мое дело, чем кто-то занимается в своей спальне.

– Не спешите! – Не давая Серене время ответить, он взял ее под локоть и повел к выходу. – Это последний тайник, о котором я сегодня вспомнил. Вы его явно не заметили, но полдень уже давно миновал, и я страшно проголодался. Я велел Хью приготовить нам обед внизу, но прежде, чем вы сядете за стол, моя прелестная Серена, должен сообщить, что у вас на носу сажа, так что я отведу вас в комнату, где можно привести себя в порядок, затем я составляю вам компанию, поступив так же. Только не заставляйте меня ждать, иначе со мной случится обморок от голода.

Повернув Серену за плечи, он указал ей на дверь в конце длинного коридора и безмятежно стал спускаться вниз в направлении гостиной.

После обеда они провели еще несколько часов в бесплодных поисках. Затем Николас решил, что на сегодня хватит.

– Утро вечера мудренее, – весело заключил он. – Не волнуйтесь, я поломаю голову над тем, чем нам заняться.

– Похоже, вы не слишком расстроены тем, что мы ничего не нашли, – с подозрением сказала Серена. – В самом деле, похоже, вы этим вполне довольны.

Николас одарил ее соблазнительной улыбкой:

– Чем дольше это продлится, тем благосклоннее вы будете.

– Как я уже говорила, мистер Литтон, вы слишком уверены в себе. Сейчас я бы с удовольствием отправилась спать. Выдался долгий и утомительный день, мне пора возвращаться к себе.

– В таком случае я настаиваю, чтобы вы позволили моему слуге проводить вас. Не хотелось бы, чтобы клеветники бросили тень на вашу репутацию или намерения, не так ли?

– Да, мистер Литтон, – согласилась Серена и улыбнулась, – нам бы точно ничего подобного не хотелось бы.

– Если я до своей смерти больше не увижу ни одной розы Тюдоров, то буду довольна. – На следующий день Серена рискованно пристроилась на подоконнике в английской столовой Найтсвуд-Холла. – Мои пальцы болят от простукивания и прощупывания панелей. Мне кажется, что мы охотимся за призраками.

Ведя поиски уже не один час, они ничего не нашли, и, хотя Серена знала, что должна хранить бдительность, чувство осторожности изменяло ей. В эту ситуацию ее впутал отец, не оставив ей иного выбора, как проводить время в обществе мужчины, который был повесой. На этот счет у нее почти не оставалось сомнений. Свет точно проклянет Серену, если обнаружится, что это правда, но она постарается, чтобы этого не случилось, а пока повеса ведет себя прилично, у нее нет повода для беспокойства.

Николас безмятежно и довольно улыбался, сидя в кресле и наблюдая за тем, как Серена пытается дотянуться до розы, которую он показал ей наугад. Сейчас Николас вел себя весьма подозрительно. Серене пришлось тянуться вверх, ее платье натянулось, обнажая перед ним стройные ноги и обтягивая соблазнительные, еще более симпатичные ягодички.

– Бедная Серена, не теряйте надежды. Уверен, я найду еще много мест, где можно поискать.

Она обернулась и, уперев руки в бока, взглянула на него:

– Я в этом не сомневаюсь. Думаю, что и тогда мне придется что-то доставать или ползать на четвереньках.

Николас поднялся и помог ей спуститься с подоконника.

– Вы сами виноваты в том, что у вас такой чертовски очаровательный зад.

– Джентльмен не стал бы обращать на это внимание.

– Нет, тут вы ошибаетесь. Любой мужчина, джентльмен или нет, невольно обратил бы на это внимание, но настоящий джентльмен сделал бы вид, что ничего не заметил.

– Вы утверждали, что вы джентльмен.

– Я соврал.

– Вы несносны, – сказала Серена, пытаясь сдержать подступавшую к лицу краску, отчего Николас еще больше осмелел.

«А вы прелестны», – подумал Николас. Длинный локон высвободился из заколок, опустился по нежному затылку на спину, придавая Серене очаровательный растрепанный вид. Николас не раз представлял, как бы она выглядела, если убрать все эти заколки, распустить волосы и позволить им волнами окутать ее обнаженные плечи. Волосы скрыли бы соблазнительные груди, отчего розовые соски напряглись и потемнели бы, отчетливо выделяясь на полной кремового цвета...

Николас отвел взгляд.

– Идем прогуляемся. Свежий воздух нам не помешает. – Николас взял пальто Серены, переброшенное через кресло, которое стояло во главе длинного дубового стола. Серена выглядела восхитительно, прелестно, к тому же с ней было весело. Сочетание, которое сильно кружит голову и соблазняет. Подтверждением тому стало что-то, настойчиво подпиравшее его бриджи. Поправив оборки на рукавах рубашки, он подтянул жилет. – Идемте, берите шляпку и шарф. На улице стоит такой прекрасный день, что грех сидеть взаперти. Нет ничего лучше прогулки по парку. Вы будете довольны, увидев, что розы еще не расцвели. Для этого еще слишком рано.

Николас смело обнял ее за талию и вывел из помещения.

На улице Серена подставила лицо солнцу, впитывая его теплые нежные лучи.

– Вы правы... – довольно сказала она, – это отличная мысль. Куда мы пойдем?

– Удобная тропинка ведет через парк к речке, где водится форель, – ответил Николас. – Почти неделю держится сухая погода, так что тропинка не должна быть слишком грязной.

– Жаль, что вы не можете сказать это мадам Леклерк. Она считает, что дождь не перестает с тех пор, как мы приехали сюда.

– Хорошая мадам... Как же ее героический храп?

Серена захихикала:

– Не знаю, слава богу. Я так устала, что прошлой ночью почти ничего не слышала. Однако должна сообщить вам, что ее французское чувство приличия оскорблено тем, что я так много времени провожу наедине с вами. Мадам постоянно напоминает, что мой отец отнесся бы к этому весьма неодобрительно.

– Он и вправду так отнесся бы к этому? – с любопытством поинтересовался Николас.

– Это неуместный вопрос, поскольку я нахожусь здесь с вами исключительно по его желанию. Отец бы посчитал, что наше знакомство неблагоприятно.

– Наверное, он оказался бы прав. Большинство отцов были бы обо мне того же мнения, ибо у меня скверная репутация. Как-никак я поцеловал вас уже два раза. Кто знает, что я еще задумал по отношению к вам?

Серена оступилась:

– Вы же сказали, что не позволите себе вольностей.

– Я сказал, что не сделаю ничего без вашего согласия. А ведь это меняет дело.

– Ах. – Она поглядела на него сквозь ресницы.

– Знаете, я подумала, не взять ли мне с собой мадам Леклерк, чтобы между нами не случилось ничего предосудительного.

– Боже милостивый, я рад, что вы этого не сделали. Подозреваю, что тогда я бы пошел на убийство.

– Если мне придется терпеть ее слишком долго, я сама решусь на убийство. Возможно, ее платья очаровательны, зато характер невыносим. В ее обществе мне скучно, а она считает, что оставаться здесь дольше просто невыносимо. Жду не дождусь, когда избавлюсь от этой женщины.

– Когда это произойдет?

– Когда доберусь до Лондона. Как только найдутся документы отца, я передам их его лондонскому адвокату.

– А затем? У вас есть какие-нибудь планы?

Серена нахмурилась:

– Мне казалось, что они есть, сейчас я в этом не столь уверена. Вы посчитаете меня капризной, но у меня такое ощущение, будто я... на корабле. Будто всю свою жизнь я спокойно прожила в гавани, где мой корабль бросил якорь, попал в штиль или пристроился к другому судну. Теперь я свободна и могу ехать куда хочу, делать что хочу. Пока мне не хочется думать ни о каких планах. Не смейтесь.

– Я не смеюсь, отнюдь нет. Я нахожу весьма тревожным сюжет, где вы поднимаете паруса.

Серена покраснела, слыша его доверительный тон, но решила промолчать. Они шли рядом по узкой тропинке, окаймленной вишневыми деревьями, которые только начали цвести. Николас держал Серену за руку, оба шли ровно в ногу, но никто из них этого не заметил.

Последние два дня они вели себя непринужденно и слегка заигрывали. Пока Николас не подавал признаков, что собирается предпринять более решительные действия. Серена твердила себе, что это хорошо. Она почти уверовала, что дела обстоят именно таким образом. Почти. Часть ее существа испытывала соблазн разобраться во влечении, которое возникло между ними, хотя ей лучше было обойтись без подобных осложнений. Всякий раз, когда Николас касался Серены, сколь безобидно это ни было, чтобы передать книгу или перчатки, усадить за стол или, как сейчас, когда держал ее за руку, внутри ее возникала еле ощутимая дрожь. А что, если он чувствует то же самое?

Я нахожу весьма тревожным сюжет, где вы поднимаете паруса. Серена пожалела, что произнесла эти слова, ибо сейчас обнаружила, что такая мысль ее тоже смущает. *Поднимать паруса.* Почему эти слова стали столь чувственными?

Они медленно шли по тропинке.

– У речки есть скамейка, оттуда открывается довольно приятный вид на поля, – сказал Николас, показывая рукой вперед. – Там можно отдохнуть немного на солнышке, если хотите.

Со стороны небольшой деревянной скамейки, к которой они подошли, действительно открывался чудесный вид.

– Как прелестно, настоящая красота! – восторженно сказала Серена. – Интересно, ловил ли здесь рыбу мой отец вместе с вашим. Он говорил, что знал вашего папу с детства.

– Правда? Тогда это так и было. – Хотя Николас подумал, что отец Серены скорее занимался браконьерством, нежели рыбной ловлей, он решил не расстраивать ее. – Я сам здесь

иногда ловлю рыбу. Большого выбора здесь нет – только форель и карп. Честно признаться, у меня не хватает терпения ловить рыбу на мух. Я не был здесь уже так давно, что забыл о красоте этого места.

Он вытер скамейку большим платком. Серена послушно села, но Николас продолжал стоять и смотрел вдаль.

– Вы часто бываете в Холле? – поинтересовалась она.

– Не очень. У меня есть особняк в Лондоне, там сейчас живут Джорджиана, моя единокровная сестра, и ее мать. Джорджи уже исполнилось семнадцать лет, а Мелисса вводит ее в новый мир. Она еще похожа на мальчишку. Мелисса едва справляется с ней, но Джорджи обязательно поразит всех, она прелестная малышка с хорошим приданым. Я провожу некоторое время в охотничьем домике, навещаю друзей, бываю в Ньюмаркете во время скачек. Я счастлив, если мне удастся провести здесь хотя бы месяц.

– Как жаль! Здесь такое чудесное место.

– Да, отсюда открывается захватывающий вид.

Николас не смотрел на природу. Его слова не допускали двух толкований. Серена не могла придумать, что сказать в ответ, но она знала, что последует дальше. Ей не пришлось долго ждать.

– Встаньте, Серена. Я хочу поцеловать вас.

Она невольно встала. *Как это произошло?* Он привлек Серену к своему разгоряченному телу и, просунув руку под пальто, обхватил девушку за талию. Через тонкое муслиновое платье она почувствовала его горячие пальцы. Другой рукой он уже развязывал ленты ее шляпки и беззаботно швырнул ее на скамью.

– Я не намерена вам этого позволять, – наконец выдавила Серена.

Николас насмешливо приподнял одну бровь:

– Думаю, вы убедитесь, что намерены.

Николас приблизился, следя за ней все время, но не держал ее крепко, не принуждал ни к чему, предоставляя ей возможность отступить. Он взял ее за затылок, нежно поглаживал ее шею, затем добрался до уха. Тело Серены сторало от нетерпения, нервы напряглись до предела, она всем существом тянулась к нему, будто незримые нити связывали и опутывали их обоих.

– Серена? – хрипло прозвучал голос Николаса. Его темные, беспокойные глаза вопросительно разглядывали ее лицо.

Серена стояла в нерешительности, когда его руки перестали ласкать ее. Он немного отпустил ее. Серена знала, что ей следует сопротивляться. На этот счет у нее не оставалось сомнений.

Глава 3

Николас губами нежно прихватил нижнюю губу Серены, впился в нее, осторожно раскрыл ей рот языком. Их тела сблизилось, бедро к бедру, грудь к груди. Он распахнул пальто девушки и почувствовал сквозь тонкую ткань платья, какое у нее горячее тело. Николас все еще дразнил ее, умышленно неторопливо скользя по ее губам, потягивал и целовал их явно с одной целью – мучить ее.

Серену охватило волнение. В нижней части ее тела пылало жаркое пламя, однако она дрожала, на шее, талии, руках, там, где он касался ее, появлялись мурашки. Она сгорала от страсти. Как странно. Как прекрасно. Паруса поднимались.

Серена чувствовала его горячее дыхание на своей щеке. Она хотела раствориться в нем. Растворить его в себе. Больше чувствовать его. Серена невольно ответила на его поцелуй. Она испытывала мириады ощущений. Ее постепенно охватывал жар, но она почти не заметила этого. Внезапно она поняла, что надвигается катастрофа, а ей почему-то совсем не страшно.

Николас крепче прижал ее к себе. Его губы стали настойчивее. То его язык касался ее языка, то происходило наоборот, и все изменилось. Он привлек Серену к себе так крепко, что не оставалось никаких сомнений – даже через одежду она почувствовала его возбуждение. Рука Николаса стала опускаться все ниже и ниже. На мгновение она замерла на нежном изгибе бедра, и вдруг стиснула округлую ягодицу. Точно откликаясь на его отвердевшее мужское естество, внутри Серены что-то начало пульсировать. Жар начал искриться.

Язык проник глубоко в рот Серены, переплелся с ее языком, его губы уже не были столь нежны, они не скользили, а впивались ее, словно толкая на неведомое безрассудство. Она вся трепетала. Серена не устояла бы на ногах, если бы его крепкие руки не удержали ее.

– Николас, – произнесла она, хотя понятия не имела, что хочет сказать. Голос Серены прерывался.

Тяжело дыша, он резко отпустил ее, его ресницы прикрыли глаза, почти почерневшие от страсти. Серена тяжело опустилась на скамейку, у нее сильно закружилась голова.

– Если бы я знал, как вы это воспримете, то остался бы дома, – заключил Николас, пытаясь мрачно шутить. Сила страсти, охватившая обоих, застигла его врасплох.

– Вы же говорили, что собираетесь целовать, а не насиловать меня, – резко ответила Серена, отчаянно пытаясь сохранить хоть немного спокойствия. *Только лишь один поцелуй.* Что ж, теперь она знала, что такого не бывает!

Николас отвернулся и начал поправлять шейный платок; он отвлекся на такой пустяк, чтобы они оба могли успокоиться. Он собирался лишь игриво поцеловать ее, чтобы узнать, как далеко можно зайти. Его встревожило то, что они тут же ринулись в водоворот страстей.

Серена сидела на скамейке, пытаясь распутать ленточки шляпки. В ней одновременно боролись желание, жар и чувство вины, когда она поняла, что наделала. *Что он подумает о ней? Что ей думать о себе самой?* Даже пока она так сидела, пытаясь прийти в себя, ей не давало покоя неутоленное желание. Серена почти не узнавала себя. Может быть, она заразилась духом безрассудства, свойственным Николасу?

Но это уже случилось, и она ни о чем не жалела. Серена когда-нибудь проанализирует произошедшее, когда уедет отсюда, подальше от этого мужчины, вселявшего в нее чувство растерянности. Сейчас же она могла предпринять лишь одно – защитить свое достоинство. Будь она проклята, если позволит Литтону прийти к мысли, что тот совсем легко покорил ее своими поцелуями. Серена поправила шарф и разгладила складки на перчатке.

– Нам пора возвращаться.

Николас пригладил волосы, чем привел их в состояние прежнего модного беспорядка, и раздумывал, как поступить. Извиниться? Не стоит, он ведь предоставил ей все возможности

дать ему отпор. Он не сделал ничего дурного, однако чувствовал, что поступил плохо. Тогда почему же она сидит здесь с вызывающим раздражением спокойствием, а он стораает от вожделения и может поспорить, что совсем недавно она испытывала то же самое. В полном недоумении он помог ей встать.

– Спасибо, Николас.

Делая вид, будто не понял, что она имеет в виду, он хотел вывести ее из состояния равновесия, раздражавшего его. Николас насмешливо поклонился:

– Более уместно, чтобы джентльмен благодарил даму. Мне было приятно, уверяю вас.

Серена покраснела и расстроилась из-за этого.

– Надеюсь, вы уже достаточно пришли в себя, – колко заметила она.

– Должно быть, вам не терпится продолжить поиски. Знаете, Серена, эти документы, вероятно, либо потеряны, либо спрятаны.

– Я отлично понимаю, что вы не верите в их существование, – отрезала она. – Я также прекрасно знаю, что я для вас лишь развлечение. Вы помогаете мне, потому что изнываете от скуки. Вы целовали меня по той же причине. К чему такая потребность в честности? Вы разве испытываете чувство вины? Не стоит, это же был только поцелуй, как вы выразились. Вам не следует опасаться, что он мог вызвать ложные ожидания.

– Если речь зашла о ложных ожиданиях, думаю, вы породили не одно из них! Черт побери, Серена, вы же сами сказали, что это не поцелуй, а насилие.

Подобный намек вывел ее из себя, она начала извергать резкие слова, точно вулкан лаву:

– Николас, нет смысла вымещать на мне свое недовольство. Вчера вам хватило такта отметить мое просвещенное отношение к жизни. Хорошо, если бы вы могли проявить такое же. Вместо этого вы ведете себя так, как свойственно вашему полу, вы рады, когда я разжигаю ваши желания, и готовы корить меня за то, что не смогли удовлетворить их.

Голос Николаса обрел стальной оттенок.

– Думаю, я не один страдаю от неудовлетворенного желания.

Они стояли на узкой тропинке, сердито глядя друг на друга. Позади светило неяркое весеннее солнце, на зеленой сочной траве прыгали тени. За короткую паузу Серена остыла столь же быстро, как вышла из себя.

– Вы правы, прошу прощения.

Это простое признание уняло его гнев. Николас поднес ее руку к своим устам:

– Вы великодушнее меня. Я безоговорочно принимаю ваше извинение и в ответ приношу вам свое.

Серена отдернула руку:

– Забудьте об этом. Больше тут не о чем говорить. Давайте вернемся в Холл.

Николас кивнул с недовольным видом и, взяв Серену под руку, повел ее по тропинке к дому.

Мистер Мэтью Стамп прибыл в лондонскую адвокатскую контору господ Актона и Арчера. Его встретил старший партнер мистер Тобайас Актон и провел в уютное помещение, окна которого выходили на оживленную Ломбард-стрит.

Отодвинув в сторону предложенный бокал мадеры и не обращая внимания на любезные расспросы мистера Актона о здоровье миссис Стамп и ее сына мистера Эдвина Стампа, Мэтью откашлялся и сразу перешел к сути вопроса:

– В чем заключается срочное дело, потребовавшее моего присутствия? Хорошо, если бы на то были веские причины.

Тобайас Актон бросил на сидевшего напротив человека оценивающий пронизательный взгляд юриста. Его клиент был высокого роста и сухощавого телосложения. Выцветшие голубые глаза над аристократическим носом Стампов недовольно уставились на него, однако в

целом черты его лица не впечатляли и придавали ему скорее вид зайца, за которым идет погоня. Мэтью довольствовался простой одеждой сельского сквайра, которым он был большую часть двадцати лет, прожитых на гемпширских владениях своего брата. Под его умелым управлением земли графа Веспианского находились в отличном состоянии. Мэтью занимался этими землями столь же ревностно, как он поступил бы, если бы они принадлежали ему самому. «На самом деле, – подумал Тобайас Актон, – он занимается ими так давно, что считает своей собственностью».

А сейчас они действительно стали его собственностью. Адвокат напустил такое выражение лица, будто готовился сообщить плохие новости:

– Мистер Стамп, боюсь, что до нас дошли весьма скверные известия. Должен с прискорбием сообщить, что ваш брат Филипп скончался. Кажется, он умер несколько месяцев назад от ран, которые получил, когда его хотели ограбить. Сэр, пожалуйста, примите мои глубочайшие соболезнования. Правильнее было бы обратиться к вам как к лорду Веспиану.

Наконец-то! Мэтью с трудом сдержал улыбку, которая уже стала намечаться в уголках его тонких губ. Тщательно скрывая свое удовлетворение, он печально покачал головой:

– Кончину моего дорогого брата не назовешь трагедией, если принять во внимание его образ жизни, но все же это удар. Я позабочусь о соответствующих извещениях и тому подобном, но главное – оформить законный перевод имения на мое имя. Насколько я понимаю, свое завещание он оставил у вас?

Тобайас Актон нервно заерзал в кресле.

– Ну, милорд, что касается этого вопроса, должен заметить, что все обстоит не столь просто. Лорд Веспиан, то есть ваш брат, не оставил нам никаких бумаг личного характера. Как опекуны, мы имеем право принимать меры к той части имения, которое ограничено в порядке наследования, что же касается другой части, которая, как вы знаете, весьма обширна, то мы располагаем лишь вот этим.

Он торжественно вручил Мэтью запечатанный пакет.

– Нам было велено передать вам это прямо в руки на тот печальный случай, если его светлость умрет.

Мэтью взял пакет с каменным выражением лица, не выдавая ни одним жестом, какой гнев бушует у него внутри из-за этого каприза брата. Сломав печать, он читал содержимое в бессильном гневе.

– Похоже, мистер Актон, я получил в наследство скорее племянницу, нежели состояние. Мой дорогой брат посмертно сообщил, что не только был женат, но произвел на свет дочь, которая является его законной наследницей. Завещание, подтверждающее это, было отдано Филиппом на хранение человеку по имени Ник Литтон, который, насколько мне известно, уже десять лет как умер. Можно лишь предположить, что моя племянница... – он умолк и стал изучать письмо, – леди Серена заявит о своем праве, как только получит эти документы от его сына.

Брови Тобайаса чуть приподнялись.

– Лорд Веспиан, это весьма неожиданный поворот. Можно узнать, как вы собираетесь поступить... в этой щекотливой ситуации?

– Актон, это вопрос, на который я в настоящий момент не в состоянии дать ответ.

Следующим утром Хью принял от Серены шляпку и шубку и сообщил, что хозяйин ждет ее в библиотеке, расположенной в дальнем конце особняка. Серена открыла дверь и вошла в стильно обставленную комнату с высокими окнами, выходящими на большую террасу. Книжные шкафы были сделаны из красного дерева, а не из дуба, как большой стол, за которым сидел Николас, и остальная мебель в доме. Стены и потолок были выкрашены в мягкий кремовый цвет. Занавеси были матового золотистого оттенка.

– Какая прелесть, – обрадовалась Серена, – и полная неожиданность для меня!
Николас встал из-за стола и пожал ей руку, как уже привык приветствовать ее.

– Точно так я мог бы описать и вас.

Серена почувствовала, что Николас пристальным взглядом пытается прочесть ее мысли, ощутила уже знакомый трепет, который появлялся, если он хотя бы легко касался ее. Они стояли, казалось, целую вечность, и воспоминание о том страстном, всепожирающем поцелуе стало почти осязаемым.

Сдержанный кашель объявил о появлении Хью с подносом кофе в руках. Он поставил его на маленький столик. Серена налила две чашки кофе и передала одну Николасу, затем села и с удовольствием начала пить маленькими глотками.

– Я так и не научилась хорошо готовить кофе. Этот кофе превосходен.

Николас приподнял одну бровь:

– Вряд ли у вас возникала потребность обрести подобное умение?

– Наоборот. Временами мы с папой были на мели и тогда не могли позволить такую роскошь, как слуги.

– Это вряд ли относится к недавнему времени. Меня не проведешь – как бы просты ни были платья, которые вы носите, я по опыту знаю, что чем скромнее фасон, тем выше цена. Из всего вы выбираете самое лучшее – платья, шали, шляпки и даже ваши маленькие сапожки, если я не ошибаюсь, сделаны из лайки.

– Что вы, месье, скажите на милость, понимаете в дамских нарядах и в том, сколько они могут стоить?

– Наверное, я в этом разбираюсь не меньше вашего. Не сомневайтесь, я многие годы расплачивался за всякую всячину, уже не говоря о том, что мне приходилось выкладывать немало денег на портних и модисток, когда дама, скажем, приходилась мне близкой знакомой.

– Я так понимаю, что вы имеете в виду своих любовниц. – Серена решила не показывать, насколько она шокирована, и игнорировать нелепый приступ ревности. – Естественно. Моя одежда сшита в Париже, а это значит, что вы в ней не очень разбираетесь.

Николас вспомнил колкость относительно покровителя, которую Серена отпустила раньше. А что, если она говорит вполне серьезно? От этой мысли ему стало не по себе.

– Наоборот, мадемуазель, – язвительно ответил Николас, – я довольно состоятелен и настаиваю на том, чтобы дама, находящаяся под моим покровительством, носила самое лучшее. И разбираюсь в последней моде достаточно хорошо, чтобы сказать, что, судя по одежде, худшие времена для вас уже позади.

Резкий тон его голоса насторожил Серену, она посмотрела ему в глаза:

– Вы считаете, что мою одежду оплатил мужчина?

– Я оказался прав?

Он говорил беззаботно, но Серена поняла его правильно.

– Да. – Она ждала, но Николас ничего не ответил, а только смотрел на нее так, что ей показалось, будто он проникает в ее самые сокровенные думы. – Николас, только, ради бога, не делайте такое суровое лицо. Я имела в виду своего отца.

Николас почувствовал огромное облегчение, но ему удалось скрыть это.

– Что ж, он, должно быть, давал вам щедрые карманные деньги. – Серена не удостоила его ответом. – Вы все еще тоскуете по нему? – спросил Николас после краткой паузы уже более мягким тоном.

– Разумеется. Мы были очень близки. Разве вы не скучаете по родителям?

– Мы говорим о разных вещах, – иронично ответил он. – Ребенком я видел слуг чаще, чем своих родителей. Вне школы мною занимались разные воспитатели, но, поскольку у меня не было родных братьев и сестер, я большей частью оставался предоставленным самому себе. Точно так же прошла юность отца. У меня хватало денег для удовлетворения любого каприза,

повзрослев, я мог позволить себе играть в карты и оплачивать свои амурные дела. Когда я достиг совершеннолетия, отец записал меня в свой клуб и познакомил с влиятельными друзьями. Вот почти все.

– Значит, вы тоже единственный ребенок в семье. Вы не желали, чтобы у вас был брат или сестра? Я мечтала, чтобы у меня были родные братья и сестры.

– Я был единственным ребенком, – поправил ее Николас. – Теперь у меня есть единокровная сестра.

– Да, но она значительно моложе вас. Это не одно и то же.

– Ей примерно столько же лет, сколько было Мелиссе, когда отец женился на ней. Нет ничего хуже старого дурака – он совсем потерял голову от любви.

– Но Мелисса ведь принесла ему счастье?

– Он умер, так и не успев разочароваться, – насмешливо ответил Николас. – К несчастью, мне от этого лучше не стало, поскольку отец вбил себе в голову, что меня следует перевоспитать.

– Бедный Николас!

В голосе Серены прозвучала насмешливая нотка, но Николас мог простить ей все, когда она так улыбалась ему. Тогда ему казалось, что она хорошо понимает его. Он начинал привыкать к этой улыбке.

– По-моему, попытка исправить вас – почти безнадежное дело. – Серена продолжала дразнить его. – Как же ваш отец собирался это сделать?

– Поверьте, у него был свой подход. При любом удобном случае он читал мне нотации о том, что следует жениться на доброй женщине, и рассказывал о чудесах, которые творит любовь. Это давно известные глупости, которыми потчует исправившийся повеса, когда достигает старческого возраста и видит, что смерть уже стоит на пороге.

– Весьма предубежденный взгляд. А что, если он и в самом деле был влюблен?

– Серена, избавьте меня от подобной романтической чепухи. Им двигала не любовь, а похоть. К тому же он лицемерил, в чем обвинить меня никак нельзя. Я увлекаюсь азартными играми, лошадьми и женщинами, но никогда не играю, если не в состоянии заплатить возможный долг. Я не скачу на лошади к преграде, которую та не может взять. Я никогда не волочусь за женщинами, которые не знают себе цену. Более того, – с горечью заключил Николас, – то же самое можно сказать об отце, если судить по его жизни в молодости, о которой я много слышал.

– Наверное, он учел это и хотел избавить вас от ошибок, которые совершал. Мой отец носился со мной по тем же причинам, и в некотором роде все это – о чем я начинаю догадываться только сейчас – породило душливую атмосферу. С другой стороны, вами же явно пренебрегали, однако это не избавило отца от желания диктовать, как вам следует жить.

– Разница между нами заключается в том, что я ему этого не позволил. Вы же, с другой стороны, до сих пор пляшете под дудку своего отца.

Серена прикусила губу, ибо он задел больное место.

– До поры до времени. Итак, – продолжила Серена весело, – невзирая на попытки вашего отца, вы не стали приверженцем всепобеждающей силы любви, как выразился лорд Байрон.

– Этот сбитый с толку романтик! Он почти без чьей-либо помощи снова ввел в моду любовь и меланхолию.

– Мне кажется, лорд Байрон больше потакает собственным эклектическим пристрастиям и ждет, что все, включая бедную леди Лэм, станут поклоняться его персоне, – с презрением сказала Серена. – Как бы то ни было, настоящая любовь не может стать частью моды, а вот Байрон, по моему убеждению, может. Любовь нельзя остановить, от нее нельзя уйти. От нее нельзя вылечить, ее нельзя запланировать. Некоторые люди никогда не влюбляются, потому что любовь проходит мимо них. Моим родителям повезло. Как, вероятно, вашему отцу повезло

с Мелиссой. Не исключено, что желание отца перевоспитать вас диктовалось не лицемерием, а желанием видеть вас таким же счастливым, как он. – Серена вдруг умолкла, не ожидая, что отреагирует на слова Николаса с таким жаром.

– Боюсь, что в этом вопросе нам придется остаться при своих мнениях, – сказал Николас, не желая углубляться в спор. – Ваша точка зрения звучит прелестно, вы очаровательная защитница, но ваши слова меня не убедили. Вы знаете не так много о мире и движущих им скрытых пружинах, как вам кажется, если только вы говорите серьезно.

Серена не без труда удержалась от ответной колкости, готовой слететь с ее уст.

– Я не спорю с вами, в этом нет смысла. Я не смогу убедить вас, это сделает жизнь.

– Соизвольте, однако, объяснить мне кое-что, прежде чем мы сменим тему.

Серена вопросительно приподняла брови.

– Вчера у речки, где водится форель, вы явно не без удовольствия подталкивали меня к тому, чтобы я... мы были не против, чтобы наши отношения получили естественное продолжение. Сегодня же вы воспеваете настоящую любовь. Боюсь, что мы говорим о разных вещах.

– Как это понять?

– Серена, я не могу предложить вам любовь, я не стану таким лицемером, как мой отец. Я могу предложить вам веселое времяпрепровождение, возможно, удовольствие, но это будет короткая идиллия, только и всего. Я не стану притворяться и изображать утонченные чувства, чтобы успокоить вашу совесть. Если хотите довести до конца наш прерванный поцелуй, то должны знать, на что идете.

Серена задумалась, прежде чем ответить. Она не влюбилась, но прошлой ночью ворочалась с боку на бок и была вынуждена признать, что Николас непреодолимо влечет ее. Неожиданное физическое влечение, которое она испытала, впервые увидев его обнаженным по пояс во время кулачного боя, выросло за те часы, которые оба провели вместе. Пока они общались вдали от света, время проходило незаметно. Всякий раз, когда Серена видела его, ей становилось труднее устоять перед желанием отдаться соблазну. Это желание подогревалось мыслью, что их пути вряд ли пересекутся после того, как документы окажутся в ее руках. Голос разума предупреждал, что Серена рискует сгореть, если желания возьмут верх над ней, однако ощущение своей правоты в его присутствии также росло, несмотря ни на что.

Николас согласится на все, что бы Серена ни предложила, если она пойдет на его условия. Он испытывал к ней мимолетные чувства. Все произошло само собой, однако реакция Николаса на то, как она воспевала настоящую любовь, стала своевременным предупреждением.

– Я знаю, на что иду, – уверенно сказала она. – Уверяю вас, мы говорим не о разных вещах.

Не означали ли эти слова, что она позволит ему больше, чем целовать себя? Он собирался задать ей этот вопрос, но передумал.

– Оставшуюся часть утра мне придется заняться кое-какими делами, – сообщил он. – Встретимся после обеда.

У Мэтью Стампа, недавно ставшего лордом Веспианом, выдалось горячее утро. Надо было нанести визит зубному врачу, посетить портного и выполнить множество поручений своей доброй жены. Весть о племяннице, девочке – наследнице состояния, которое он уже считал своим по закону, расстроила его так, что это было невозможно описать словами, и все время не давала ему покоя. Тобайас Актон советовал ему подождать, пока племянница не свяжется с ним, но Мэтью решил, что такое поведение ему не по нутру.

Следующее дело привело его в притон недалеко от Флит-стрит. Это место посоветовал ему швейцар из его клуба. Охваченный тревогой, Мэтью сидел в своей кабинке и разглядывал разношерстную публику, заполонившую тускло освещенное помещение. Он был доволен тем, что оставил все ценное, кроме требуемой суммы денег, в надежном месте у себя дома.

К нему подошел плотный коротышка в засаленном коричневом пальто.
– Вы Стамп? – громко спросил он.
– Ради бога, не ори ты так, – прошипел Мэтью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.